

Спасский А. А., Тареев М. М. Из текущей журналистики:

I. Вопрос о монашестве: Кто подменил тему?: Литературные приемы редакции Душеполезного Чтения. II. Первая книжка нового журнала «Новый путь» // Богословский вестник 1903. Т. 1. № 1. С. 172–184 (2-я пагин.).

ИЗЪ ТЕКУЩЕЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

I. Вопросъ о монашествѣ.—Кто подмѣнилъ тему?— Литературные приемы редакціи Душеполезнаго Чтенія.— II. Первая книжка новаго журнала „Новый Путь“.

I.

По поводу статьи о. Архимандрита Евдокима: „Шноки на службѣ ближнимъ“, напечатанной въ Ноябрьской книжкѣ „Богосл. Вѣстн.“, редакторъ „Душеполезнаго Чтенія“, „отточивъ перо“, помѣстилъ въ Янв. книжкѣ довольно пространное объясненіе подѣ заглавіемъ: „Недоразумѣніе по важному вопросу“. Въ энергичномъ тонѣ, съ неподражаемой полемической изворотливостью, почтенный редакторъ сѣшшитъ здѣсь выпутаться изъ того крайне неудобнаго положенія, въ которое онъ попалъ своей ложной постановкой вопроса о монашествѣ, сваливая всю вину на своего противника и вводя въ прямое заблужденіе своихъ читателей на счетъ дѣйствительнаго положенія спорящихъ сторонъ. Не имѣя побужденій входить въ подробности, мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ пунктахъ редакціонной статьи, характерныхъ для литературныхъ приемовъ защитниковъ современнаго монашества.

Проф. А. И. Введенскій обвиняетъ о. Евдокима ни въ чемъ другомъ, какъ въ „подмѣнѣ вопроса“, „въ искаженіи чужихъ мыслей“, и съ паэосомъ взываетъ: „какъ же должно смотрѣть на такіе приемы?“—Обвиненіе тяжкое и серьезное. Оно уже далеко выходитъ изъ границъ научнаго спора и затрагиваетъ нравственную личность автора, притомъ Архи-

мандрита и Инспектора Академіи ¹⁾. Оно затрогиваетъ и честь журнала, помѣстившаго статью съ „поддѣлкой и искаженіями“. Оно должно быть обосновано на ясныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ, на точныхъ, не поддающихся уверткамъ и софистическимъ перетолкованіямъ, заявленіяхъ. Ничего подобнаго, однако же, нѣтъ.

Чтобы нагляднѣе представить дѣло для читателей „Богосл. Вѣстн.“, безъ сомнѣнія, мало знакомыхъ съ „Душеп. Чт.“, мы изложимъ ходъ спора о задачѣ монашества со времени его возникновенія.

Начало спору положила статья А. Круглова на тему: „На службѣ міру—на службѣ Богу“, напечатанная въ октябрьской книжкѣ „Душеп. Чтен.“ Авторъ ея—изъ числа тѣхъ истинно-русскихъ и православныхъ людей, которые давно съ болью взираютъ на печальныя стороны жизни современнаго монашества и горятъ духомъ возстановить его бывшее славное значеніе. Не подумайте, читатель, что дѣло идетъ о какой-либо коренной реформѣ монастырской, о какомъ-либо рѣзкомъ обличеніи и осужденіи современнаго иночества. Нѣтъ, вся дерзость Круглова противъ монашества состояла въ томъ, что онъ въ робкихъ словахъ осмѣлился напомнить Христову заповѣдь о любви къ ближнимъ и обязательности дѣятельнаго осуществленія ея и для избравшихъ иноческій образъ жизни. Вотъ основной тезисъ его статьи: „Уже давно раздавались голоса, {призывавшіе наши монастыри на службу міру, *которая не противорѣчитъ* прямой задачѣ ихъ, не исключаетъ ея, ибо служба міру покоится на любви къ ближнему, а *любовь—фундаментъ христіанскаго ученія*, и, если она обязательна для каждаго христіанина, то *тѣмъ болѣе для инока—наисовершеннѣйшаго христіанина*“. Развивая далѣе свой тезисъ, авторъ „указываетъ на устройство больницъ и богадѣленъ, на уходъ за больными, сирыми и увѣчными, на содѣйствіе просвѣщенію, „настоящему христіанскому просвѣщенію“, какъ на ближайшее призваніе монашества въ дѣлѣ общественнаго служенія. „Вѣдь это

¹⁾ „Не хотѣлось (?) бы думать“. скромно внушаетъ редакторъ Душ. Чт. своимъ читателямъ, „и, конечно, мы не думаемъ, что здѣсь есть *преднамеренное* и, тѣмъ болѣе, *злонамѣренное* (курсивъ Душ. Чт.) искаженіе чужихъ мыслей“... Вотъ что значитъ свободно владѣть литературными приемами.

обязательно для каждаго христіанина, тѣмъ болѣе для тѣхъ, которые добровольно взяли на себя самые тяжелые подвиги христіанства“. Кажалось, надо было бы только привѣтствовать этотъ призывъ, возвращающій монашество на старыя, но забытыя имъ пути служенія ближнему, ибо что можетъ быть выше, соотвѣтственнѣе заповѣдямъ Евангелія, какъ не помощь больнымъ, сирымъ и увѣчнымъ, какъ не содѣйствіе христіанскому просвѣщенію. Но вышло не то...

Еще ранѣе напечатанія статья Круглова передана была о. Архимандриту Троице-Сергіевой Лавры Никону для предварительнаго обсужденія. Прочелъ о. Архимандритъ статью Круглова и... „грустно и больно стало на душѣ его“. Въ горячемъ, но недостаточно обдуманномъ и осторожномъ отвѣтѣ, напечатанномъ въ той же октябрьской книжкѣ подъ заглавіемъ: „Православный идеаль монашества“, онъ обрушился на Круглова, какъ на злѣйшаго врага монашества. Истинно христіанскій призывъ его къ помощи ближнему онъ объявилъ искаженіемъ православнаго идеала монашества, подѣлкой его, идеаломъ—суррогатомъ, а самого Круглова причислилъ къ людямъ, которые „не вынося свѣта великаго монашескаго идеала, хотять утилизировать монастыри“. Въ своеобразно православномъ міросозерцаніи о. Архимандрита дѣятельное служеніе ближнему не только не лежитъ на обязанности монаха, но, напротивъ, противорѣчитъ его обѣтамъ, препятствуетъ должному исполненію ихъ. „Исключительная задача монаха — „личное спасеніе“, воспитаніе въ себѣ „святаго эгоизма“. Ближній для монаха не существуетъ; монахъ всячески долженъ сторониться отъ соприкосновенія съ нимъ. Монахъ—мертвъ для ближнихъ; обитель для него—„гробъ прежде гроба“. Поэтому, даже такія возвышенныя проявленія христіанской любви къ ближнему, какъ уходъ за больными, учительство въ школахъ — для монаха только—„подѣліе“, и то препятствующее надлежащему выполненію его иноческихъ обѣтовъ, потому что даетъ въ себѣ частый поводъ къ лишнимъ искушеніямъ ¹⁾.

¹⁾ Статья о. Никона написана съ убѣжденіемъ и въ общемъ производитъ хорошее впечатлѣніе. Ея отличительное качество — выдержанность основнаго тезиса. Поставивъ задачей для инока „исключительно личное спасеніе“, „святой эгоизмъ“, авторъ ни на шагъ не отступаетъ отъ своей

Въ той же октябрьской книжкѣ объ эти статьи—Круглова и о. Никона—были предварены редакторскимъ „руководящимъ“ предисловіемъ, желающимъ дать понять неразумнымъ читателямъ Душ. Чтен. о важности переживаемаго редакціей момента. Расписавшись вполне подъ статьей о. Никона, признавъ ее во всей цѣльности ¹⁾, редакторъ въ высокопарномъ, напыщенномъ, стилѣ возвѣстилъ православному міру о надвигающейся на него опасности, честь открытія которой принадлежитъ исключительно ему. „Гордые замыслы безбожныхъ западныхъ переоцѣнщиковъ цѣнностей,—гласитъ онъ,—проникаютъ и къ намъ (какой ужасъ!) и, пропитавъ литературу свѣтскую (всю?), мало-помалу начинаютъ проникать и въ область вопросовъ, касающихся духовной, христіанской жизни. Подъ предлогомъ желанія добра, содѣйствія улучшенію духовной жизни (какія бестіи), сами не вѣдая, что творятъ, многіе теперь вносятъ въ христіанское общество смущеніе и недоумѣніе, желаніе тѣхъ же переоцѣнокъ и реформъ, на путь которыхъ уже давно вступило западное христіанство“. Осмѣливаются даже говорить о „реформѣ жизни иноковъ и монастырей“.

позиціи: на всѣ запросы, недоумѣнія и возраженія онъ отвѣчаетъ ясно и твердо. Мы назвали его статью необдуманной и неосторожной, во-первыхъ, за доводъ противъ школы, основанный на грязныхъ представленіяхъ, о которыхъ не слѣдовало напоминать; во-вторыхъ, за защиту гостиниць. О гостиницахъ имѣются спеціальныя *каноническія* постановленія. 24 правило Лаодикійскаго собора (во второй половинѣ IV вѣка) запрещаетъ монаху даже входить въ гостиницу. Относительно устройства гостиницы при монастыряхъ и завѣдыванія ими правилъ нѣтъ, потому что въ древней церкви такого грубаго нарушенія монашескихъ обѣтовъ совсѣмъ не было. Но что запрещеніе посѣщать гостиницу заключаетъ въ себѣ уже eo ipso и запрещеніе строить и управлять гостиницами, это ясно и само по себѣ и доказывается изъ дополнительнаго правила 6-го вселенскаго собора на счетъ клириковъ: „никакому клирику не позволено содержать корчменницу, ибо аще не позволено входить въ корчменницу, то коимъ паче служить другимъ и упражняться въ томъ, что ему не прилично. Аще же что-либо такое сдѣлаетъ, или да престанетъ, или да будетъ извержень“. Если клирикъ наказывался „изверженіемъ“, то по смыслу древнихъ правилъ монахи и монастыри за такой поступокъ должны подпасть отлученію отъ св. причащенія впредь до покаянія и исправленія.

¹⁾ „Точку зрѣнія о. Никона мы вполне раздѣляемъ“—Подлинныя слова редактора. См. прим. къ статьѣ Круглова.

Наглядный примѣръ—статья Круглова: въ ней редакторъ видитъ „типичное выраженіе одного изъ широко распространенныхъ въ современномъ обществѣ предрасудковъ по вопросу о монашествѣ и монастыряхъ (разумѣется—мысль объ обязательности для иноковъ дѣятельнаго служенія ближнимъ), тонкую подмѣну православно-русскаго идеала монашества идеаломъ западнымъ“...

Судьба зло посмѣялась надъ пророчествомъ редактора.

Оно не только не испугало собой людей здравомыслящихъ, но вызвало энергичнѣйшій отпоръ въ рядахъ самихъ иноковъ, о благополучіи которыхъ онъ проявилъ такую нѣжную заботливость. Мощный отпоръ, раздавшійся съ разныхъ концовъ противъ этого крестоваго похода ревнителей, заставилъ его задуматься и глубже уяснить себѣ вопросъ. — И вотъ результатомъ этого раздумья явилась новая статья „Недоразумѣніе по важному вопросу“.

Мы ждали съ нетерпѣніемъ этой статьи, о предстоящемъ появленіи которой знали ранѣе; мы думали, какъ и должно было думать, что новая „руководящая“ статья будетъ дальнѣйшимъ послѣдовательнымъ развитіемъ тезиса о. Никона, богословскимъ его обоснованіемъ, необходимымъ въ статьѣ профессора. И къ своему удивленію,—читая статью, за спиной редактора увидали мы не суровую и строгую фигуру о. Никона, а любвеобильное лицо г. Круглова. Оказывается, что все помѣщенное имъ въ октябрьской книжкѣ предисловіе было невинной шуткой, простымъ недоразумѣніемъ. Оказывается, что въ октябрьской книжкѣ вопросъ шелъ вовсе не объ обязательности для иноковъ дѣятельнаго служенія ближнимъ, а только о формахъ его. Вотъ подлинныя заявленія редактора въ его новомъ видѣ: „Вопросъ вѣдь идетъ не о томъ,—въ тонѣ невинности наставляетъ онъ о. Евдокима,—совмѣстимо ли съ иночествомъ служеніе ближнимъ, а о томъ, какое именно служеніе съ нимъ совмѣстимо“. „Служеніе ближнимъ есть общехристіанская обязанность“. Въ заключеніе къ своей статьѣ, „подводя итоги“, онъ, чтобы не оставлять никакого недоразумѣнія о перемѣнѣ фронта, еще разъ говоритъ: „Вопросъ не въ томъ, совмѣстимо ли съ иночествомъ, его уставами и обѣтами, служеніе ближнимъ — это само собой понятно, и утверждать противное было бы нелѣпностью (ну, вотъ, наконецъ, и искреннее слово!) — а въ

томъ, какіе именно виды служенія ближнимъ съ нимъ совмѣстимы“¹⁾.

Но не то же ли утверждалъ Кругловъ? Мы уже читали его подлинныя слова: онъ призывалъ иноковъ на службу, которая „не противорѣчитъ прямой задачѣ монастырей, не исключаетъ ея“. Онъ говорилъ объ „обязательности“ дѣятельной любви къ ближнему „для каждаго христіанина, тѣмъ болѣе для тѣхъ, которые взяли на себя добровольно самыя тяжелыя подвиги христіанства“,—призывалъ къ тому, что „не находится въ противорѣчій съ сущностью высокой задачи монашества“. Но въ октябрѣ эти христіанскія мысли оцѣнивались, какъ „тонкая подмѣна православно-русскаго идеала“, „какъ типичное выраженіе одного изъ широко-распространенныхъ въ современномъ обществѣ предрасудковъ“, а въ январѣ онѣ сдѣлались „сами собою понятными“, утверждать противное стало „нелѣпостью“.

Надѣмся, для читателей „Богосл. Вѣстника“ теперь ясно, кто подмѣнилъ вопросъ. Расписавшись въ октябрѣ подъ статьей о. Никона объ исключительной обязательности для инока *только* личнаго спасенія, редакторъ „Душеполезнаго Чт.“ чрезъ три мѣсяца съ такой же литературной легкостью расписывается и подъ основною мыслью статьи Круглова объ обязательности для инока дѣятельнаго служенія ближнимъ. Гдѣ же принципъ-то?

Но этого мало. Продѣлавъ столь удивительное salto-mortale, подмѣнивъ свои *собственныя* заявленія, онъ съ спокойной совѣстью возложилъ этотъ подвигъ на о. Евдокима, обвинилъ его въ подмѣнѣ и искаженіи чужихъ мыслей²⁾.. Предоставляемъ читателямъ судить о нравственной цѣнности этого литературнаго приѣма³⁾.

¹⁾ „Мы думаемъ,—глубокомысленно замѣчаетъ редакторъ Душ. Чт.,—что далеко не всѣ“... Ну, конечно, не объ заведеніи же кафе-шантановъ при монастыряхъ идетъ рѣчь.

²⁾ И при этомъ издѣвается надъ нимъ. „Мы желали бы, чтобы наши почтенныя литературныя противники брали наши тезисы въ прямомъ и точномъ смыслѣ (—мы увидимъ что тезисы его не имѣютъ никакого смысла—), безъ всякихъ вольныхъ и невольныхъ подлѣтокъ (!?)“.

³⁾ Къ характеристикѣ аргументаціи г. Введенскаго.—Читатель помнитъ чудную картину, нарисованную о. Евдокимомъ на одной изъ страницъ первой его статьи. „Вотъ инокъ созерцатель идетъ изъ своей кельи въ

Отмѣтимъ еще одну черту въ „литературныхъ“ пріемахъ редактора Душ. Чт.—Вопросъ о монашествѣ вызванъ самой жизнью; недостатки современныхъ монастырей, невозможность оставлять ихъ далѣе въ томъ же положеніи сознается лучшими представителями самого монашества; духовныя власти озабочены этимъ дѣломъ. Началась литературно-научная разработка вопроса, и двѣ крайнихъ точки зрѣнія тотчасъ же опредѣлились: Кругловъ ищетъ рѣшенія его на почвѣ обязательности для инока служенія ближнему; о. Никонъ отстаиваетъ исключительно личное спасеніе. Поста-

храмъ. На дорогѣ къ нему протягиваются слабыя, совершенно безпомощныя руки за помощью. Что, долженъ отвѣчать такой инокъ какой-нибудь ветхой денни, голодной, едва одѣтой, дрожащей отъ холода, оставленной всѣми старушкѣ? Ужели онъ можетъ сказать ей: „Оставь меня, я безраздѣльно принадлежу единому моему Господу“. Или, быть можетъ, онъ скажетъ: „Я не могу служить Богу и міру, не заставляй меня омирать христіанство“, дѣлать тонкую подмѣну православно-русскаго идеала... Иди съ миромъ... Не смущай меня“.

Предваривъ эту выписку заявленіемъ „къ сожалѣнію намъ и людямъ нашего образа мыслей не только усвоятъ нелѣпость, но еще играютъ ей (хороша игра—голодная старуха)“, редакторъ Душ. Чт. даетъ на нее такой отвѣтъ: „Такъ могутъ поступать не православные иноки, а развѣ Плюшкины да Иваны Ивановичи Перерепенки“.

Но, вѣдь, это полнѣйшее непониманіе своей собственной позиціи. Разъ идеаломъ монашества поставлено „исключительно личное спасеніе“, просьба бѣдной старушки для инока, конечно, является смущеніемъ, соблазномъ. Отвѣтъ инока логиченъ и необходимъ. Мы увѣрены, что о. Никонъ отъ этого вывода не откажется. Въ этомъ цѣльность взгляда о. Никона. Но какую же услугу оказываетъ ему г. Введенскій, человекъ того же образа мыслей, ставя рядомъ съ послѣдовательнымъ по теоріи о. Никона инокомъ компанію изъ Перерепенковъ и Плюшкиныхъ?

Еще одинъ примѣръ.—Почему-то почувствовавшій себя въ роли хозяина въ вопросѣ о монашествѣ, редакторъ Душ. Чт. уже намѣчаетъ тему для дальнѣйшихъ разсужденій, говоря: „думаемъ, что споръ долженъ сосредоточиться около того, какія именно формы служенія ближнимъ совмѣстимы съ иночествомъ? Здѣсь опять наблюдается полное противорѣчіе между о. Никономъ и защитникомъ его проф. Введенскимъ. Съ точки зрѣнія о. Никона, конечно, не можетъ быть и рѣчи о „формахъ“ (*формы любви къ ближнему*—вотъ до чего мы договорились въ вопросѣ о монашествѣ.) служенія ближнему, обязательныхъ для инока. Всякая „форма“ есть подѣліе, препятствующее главному дѣланію. Душ. Чт. только извращаетъ цѣльность взгляда о. Никона... (.... „не хотѣлось бы думать, что здѣсь есть *пред*—намѣренное и тѣмъ болѣе *з.го*—намѣренное искаженіе чужихъ мыслей“... продолженіе см. въ статьѣ Душ. Чт.).

новка дѣла самая точная и ясная, возможно желательная. Это—только вопросъ о монашествѣ и больше ни о чемъ. Но во что же обращается это простое дѣло подъ перомъ редактора Душ. Чт.? „Вы думаете“, говоритъ онъ своимъ читателямъ, „что и на самомъ дѣлѣ вопросъ идетъ только о монашествѣ?—Нѣтъ, Вы жестоко ошибаетесь, суть лежитъ тутъ вовсе не въ монашествѣ: монашество только пристегнуто случайно, есть „одно изъ типичныхъ выраженій“... Весь секретъ вопроса въ томъ, что люди, заботящіеся о возможномъ улучшеніи современнаго монашества, „хотя бы подмѣнить тѣ идеалы и понятія, тѣ правила и начала, которыми доселѣ жилъ христіанской міръ“. „Съ тѣхъ поръ, какъ печальной памяти Ницше“, вѣщаетъ онъ въ своей руководящей статьѣ, „впервые сталъ призывать Западную Европу къ переоцѣнкѣ цѣнностей, тамъ не прекращаются попытки выработать новые идеалы жизни... Любовь къ ближнему, милосердіе, сострадательность почитаются теперь слабостью и порокомъ, преданность вѣрѣ отцовъ считается раболѣпствомъ мысли, разрывъ съ вѣрою разсматриваются, какъ путь къ свободѣ“.. Ну, а намъ-то какое дѣло до этого?—спросите, читатель. „Гордые замыслы“, отвѣчаетъ редакторъ Душ. Чт., „безбожныхъ западныхъ переоцѣнщиковъ цѣнностей къ несчастью проникаютъ и къ намъ... въ область вопросовъ, касающихся духовной христіанской жизни“. Въ чемъ это выражается? „Теперь слышатся голоса, призывающіе реформировать жизнь приходскаго священника, реформировать жизнь иноковъ, монастырей, приходы и т. д. (не извѣстно что)“. Еще яснѣе взглядъ его на современные вопросы выражается въ статьѣ: „Недоразумѣніе по важному вопросу“. „Есть два“, говорится тамъ, „идеала: одинъ нашъ—православный, опредѣляемый идеей Богочеловѣка, другой—западный, опредѣляемый идеей челоуѣкобога, идеаль гуманный“. Такъ вотъ въ чемъ дѣло: вопросъ о современномъ монашествѣ есть вовсе не вопросъ о монашествѣ, а злокозненная попытка по примѣру Ницше подмѣнить идеаль Богочеловѣка идеаломъ челоуѣкобога, гордый замыселъ послѣдователей безбожныхъ западныхъ переоцѣнщиковъ.

Но довольно... До сихъ поръ такіе приемы литературной полемики, эти взыванія о паденіи основъ и колебаніи устоевъ. было отличительной принадлежностью извѣстной группы

свѣтской газетной журналистики..... Теперь они перешли и въ духовную ¹⁾...

А. Спасскій.

II.

Предъ нами первая книжка новаго журнала „Новый путь“.

Привѣтствуемъ въ ней новый органъ разработки вопросовъ религіозно-нравственныхъ.

Цѣль журнала—дать возможность выразиться, въ какой бы то ни было литературной формѣ—въ повѣствованіи, въ стихахъ, въ философскомъ разсужденіи, въ научной статьѣ, или въ бѣглой замѣткѣ,—тѣмъ новымъ теченіямъ, которыя возникли въ нашемъ обществѣ, съ пробужденіемъ религіозно-философской мысли.

Это *новый* путь по сравненію съ тѣмъ путемъ, которымъ шли наши отцы—шестидесятники, представители утилитарно-позитивнаго міросозерцанія; но это нѣкоторый возвратъ ко временамъ нашихъ дѣдовъ, къ сороковымъ годамъ, къ эпохѣ эстетитовъ и индивидуалистовъ. Наконецъ, это не простое ретроградство. Послѣ шестидесятихъ годовъ чистая эстетика и исполнѣ субъективная этика уже невозможны. „Мы стоимъ,—пишетъ редакторъ-издатель П. П. Перцовъ въ всту-

¹⁾ Сваливая все въ одну кучу, и ученье Толстого, и философію Ницше, и вопросъ о приходскомъ священникѣ, и идеаль православнаго монашества (вали-валомъ—послѣ разберемъ), авторъ подмѣну идеала Богочеловѣка видитъ даже въ „реформѣ“ прихода, этой неотложной, всѣми сознаваемой нуждѣ нашей церковной жизни. Но неужели ему не извѣстно, что дѣло идетъ не о „реформѣ“, а о восстановленіи учрежденія, существовавшаго съ древнѣйшихъ временъ и разрушеннаго системой бюрократизма, господствующаго въ нашемъ церковномъ управленіи? Неужели ему не извѣстно, что за восстановленіе прихода высказывались и высказываются лучшіе русскіе люди—Хомяковъ, Аксаковы, Кирѣевы, о. Иванцовъ-Платоновъ? Что же? Развѣ и здѣсь „переоцѣнка“ по образу Ницше, развѣ и эти люди хотѣли и хотятъ подмѣнить „понятія и идеалы, которыми доселѣ жилъ христіанскій міръ?“ Нѣтъ, не съ этими великими именами земли русской хочеть идти рядомъ редакторъ Душ. Чт. въ обсужденіи современныхъ церковныхъ нуждъ... Онъ окружилъ себя какими-то ископаемыми сотрудниками въ родѣ г. г. Доросевыхъ, и о. о. Четвериковыхъ, безъ литературнаго роду и племени, безъ всякаго научнаго багажа и, сдѣлавъ великую мысль Достоевскаго о Богочеловѣческомъ призваніи русскаго народа знаменемъ ретроградства, треплетъ имъ на каждомъ перекресткѣ.

пительной статьѣ,—мы стоимъ на почвѣ новаго религіознаго міропониманія. Мы поняли, что осмѣянный отцами мистицизмъ есть единственный путь къ твердому и свѣтлому пониманію міра, жизни, себя. Мы поняли, что ни самодовлѣющей индивидуализмъ, ни наивный альтруизмъ не могутъ выдержать своей исключительности и своей противоположности... Личная правда сороковыхъ годовъ, какъ и общественная — шестидесятыхъ, — для насъ есть уже двѣ равноправныя правды—*соподчиненныя* иной, *третьей* правдѣ. Правда о человѣкѣ и правда о людяхъ сливаются въ правдѣ о Богѣ... Гоголь, Достоевскій, Владиміръ Соловьевъ — вотъ наша родословная“.

Нельзя не радоваться появленію органа съ такою цѣлью, съ такими задачами, съ такою родословною.

Но *conditio sine qua* поп существованія и процвѣтанія такого журнала—извѣстная цензурная свобода.

Во второй статьѣ „о свободѣ религіозной совѣсти“ Н. М. Минскій и ставитъ этотъ вопросъ—ставитъ широко и обсуждаетъ его увлекательно. Симпатична главная мысль статьи: только при свободѣ совѣсти наша интеллигенція можетъ соединиться съ церковью, войти въ нее съ дарами культуры, съ дарами свободной научно-философской мысли и свободного искусства. Однако мы должны замѣтить, что г. Минскій старается обосновать религіозную свободу на гнилыхъ подпорахъ. Абсолютная истина, по его мнѣнію, намъ недоступна, *поэтому* мы должны быть терпимы ко всякой вѣрѣ. „Переступить черту, отдѣляющую отраженіе (субъективное религіозное міропониманіе) отъ источника свѣта, считать свое пониманіе Бога столь же абсолютнымъ, какъ самое бытіе Бога,—церковь уже не можетъ подъ страхомъ очутиться на томъ пути мысли и чувства, который привелъ къ осужденію Спасителя міра,—подъ страхомъ сдѣлаться соучастницей въ распятіи Христа. Достаточно одной этой мысли, одного этого опасенія, чтобы преслѣдованіе ересей другимъ оружіемъ, кромѣ оружія слова и убѣжденія, стало навсегда невозможнымъ. Какъ бы ересь ни казалась намъ бессмысленной и кощунственной, мы должны помнить, что это—человѣческая ложь въ сравненіи съ нашей истиной—тоже человѣческой, что я вправѣ не хотѣть ея для себя, но признать ее абсолютнымъ зломъ, подлежащимъ не-

корененію, я не смѣю, ибо тогда я берусь за дѣло Божіе". Здѣсь г. Минскій напоминаетъ намъ сужденія талантливаго французскаго мыслителя Фуллье, который стремится обосновать независимую мораль на относительности знанія (см. Критику новѣйшихъ системъ морали—заключеніе). Но что прилично въ представителѣ свободной морали, то совершенно неумѣстно и невозможно въ христіанинѣ. Что для насъ дана въ евангеліи абсолютная истина, это составляетъ незыблемую основу христіанства и церковной жизни. Свободу религіозной совѣсти нужно основывать на другихъ положеніяхъ,—именно на сущности христіанской религіи, христіанскаго духа. „Ученики Его, 'Іаковъ и Іоаннъ, сказали: Господи! хочешь ли, мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба, и истребилъ ихъ, какъ и Ілія сдѣлалъ? Но Онъ, обратившись къ нимъ, запретилъ имъ, и сказалъ: не знаете, какого вы духа“. Сущность христіанскаго духа такова, что истиннымъ христіаниномъ можетъ быть лишь свободно принимающій христіанство и свободно пребывающій въ немъ. Какъ только нарушена внѣшнимъ вмѣшательствомъ власти эта свобода, духъ христіанина угасаетъ и сохраняются однѣ только формы. Поэтому суть вопроса о свободѣ религіозной совѣсти затрогивается не отношеніемъ государства къ еретикамъ, а отношеніемъ власти къ православнымъ, отношеніемъ церкви къ своимъ собственнымъ чадамъ...

Далѣе въ первой книжкѣ „Новаго пути“ слѣдуютъ мысли объ искусствѣ И. Е. Рѣпина и судьба Гоголя Д. С. Мережковскаго.

Основная идея литературныхъ произведеній Гоголя—„осмѣять *пошлость* жизни, очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ“. Основная идея въ воззрѣніяхъ Мережковскаго это—зло, какъ отрицаніе безконечнаго, отрицаніе всякаго конца и начала, какъ начатое и неоконченное, которое выдаетъ себя за безначальное и безконечное, какъ нуменальная середина сущаго, отрицаніе всѣхъ глубинъ и вершинъ, вѣчная плоскость, вѣчная пошлость. Поэтому прежде всего бросается въ глаза симпатія, связывающая критика и писателя. И прежде Мережковскій развивалъ ту же идею, особенно въ изслѣдованіи о Л. Толстомъ и Достоевскомъ, но тамъ ему

приходится насильственно втягивать многое въ рамки своихъ воззрѣній. Теперь же мы видимъ полное совпаденіе идеи критики и художественныхъ формъ Гоголя. И конечно, Мережковскому нужно было бы сначала написать изслѣдованіе о Гоголѣ; а потомъ перейти къ Достоевскому и Л. Толстому. Тогда не было бы той неясности и неопредѣленности, которыми сильно страдаетъ его сочиненіе о Достоевскомъ и Толстомъ. Напротивъ того изслѣдованіе о творчествѣ и судьбѣ Гоголя пишется ясно, легко и увлекательно. Читается съ необыкновеннымъ интересомъ. Съ своей стороны мы желали бы обратить вниманіе Мережковскаго на то, что идея зла, какъ срединнаго самодовольства и самоправедности, не чужда нашему богословію. Уже въ Апок. III, 15. 16: „ты ни холоденъ, ни горячъ; о, если бы ты былъ холоденъ, или горячъ! Но какъ ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ“. Можно назвать цѣлыя книжки, въ которыхъ идея эта обслѣдуется подробно. Между прочимъ богословское изслѣдованіе этой идеи примѣчательно тѣмъ, что въ немъ вполне примиряются крайности, которыя у Мережковскаго остаются непримиренными. Подобно тому, какъ самоубійство есть величайшій грѣхъ, но самопожертвованіе высшее проявленіе любви; такъ и, въ отличіе отъ самодовольной срединности, *добровольная* безличность, какъ плодъ самоотреченія, — иначе ницета духовная, самоуничженіе, смиреніе, алчба жажды правды, кротость, Христа ради юродство—необходимое условіе усвоенія христіанскаго духа. (См. цѣль и смыслъ жизни. М. 1902 г.).

Изъ слѣдующихъ статей обозрѣваемой книжки обращаетъ на себя вниманіе помѣщенный въ отдѣлѣ „Записки религіозно-философскихъ собраній въ С.-Петербургѣ“ докладъ В. А. Тернавцева на тему „Русская церковь предъ великою задачей“. Предметъ доклада—отношеніе церкви къ интеллигенціи. Его главныя положенія: 1) возрожденіе Россіи возможно только на почвѣ истиннаго христіанства; 2) учащихъ силъ русской церкви для такой задачи недостаточно; 3) въ настоящее время церковь (священство ея) и интеллигенція—въ глубокомъ разладѣ между собою; 4) нравственный кризисъ, переживаемый интеллигенціей. Ея жажда вѣры. Возможность обращенія при условіи дѣйствительнаго отвѣта на ея запросы; 5) опасность ложныхъ сдѣлокъ съ вѣрою церкви;

6) единственное рѣшеніе — раскрытіе со стороны церкви сокровенной въ ней „правды и о земль“, ученія о христіанскомъ государствѣ и религіозномъ призваніи свѣтской власти.

Многочисленныя возраженія, сдѣланныя г. Тернавцеву, въ большинствѣ стоятъ ниже самаго доклада.

М. Таръевъ.
